
Подход России к вопросам демократизации Ближнего Востока

О.Г. Карпович

Один из исследователей проблем развития современного общества — С. Хантингтон — назвал этот процесс «третьей волной демократизации», которая охватила значительное число стран. Рассматривая данный процесс с точки зрения мировой демократической революции, он отметил, что начиная с 1990-х годов «демократия рассматривается как единственная легитимная и жизнеспособная альтернатива авторитарному режиму любого типа»¹.

С. Хантингтон полагал, что наступление первой волны демократизации связано с распространением демократических идей в США в XIX в.; эта волна продолжалась до окончания первой мировой войны (1828-1926). Однако, за ростом демократизации, последовал ее спад. Первое «отступление» произошло в 1922 — 1942 гг. Наступление второй волны демократизации ознаменовалось победой над национал-социализмом и укреплением демократии в Западной Германии, Японии и Италии. Эта волна продолжалась до середины 60-х гг. XX века (1943-1962). Спад этой волны пришелся на период между 1958 и 1975 г. В 1974 году начинается подъем третьей (современной) демократической волны, началом ее считается падение салазаровской диктатуры. Волна распространилась на страны Южной Европы (Испания и Греция), Латинской Америки. К 80-м гг. демократизация достигла ряда стран Азии, Центральной и Восточной Европы, и СССР.

Тем не менее, следует заметить, что история стран, переживших третью волну демократизации, частично опровергает оптимистические

О.Г. Карпович Доктор политических наук, профессор.
Ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН

выводы С. Хантингтона. Их политическое развитие показало противоречивость и неоднозначность данного процесса. Ярким примером, иллюстрирующим это утверждение, стала оборотная сторона демократизации — установление тоталитарных и авторитарных режимов в странах бывшего СССР. Можно предположить, что это связано как с традиционными консервативными представлениями народов о власти, с ментальными особенностями (если речь идет о государствах Средней Азии или Кавказа), а также с контрреволюционной волной, зачастую приходящей на смену революционным настроениям.

Значительное число исследователей не умаляют волнового характера демократизации и полностью соглашаются с периодизацией С. Хантингтона. Стоит отметить, что при всем этом ученые говорят об отличительных особенностях третьей волны, которые подтверждают сложность и многозначность данного процесса. Такими особенностями стали следующие:

1) специфичность итога: «демократические транзиты» последней волны так и не завершились созданием консолидированных демократий;

2) множественные отличия первоначальных характеристик трансформирующихся политических режимов: от классических авторитарных и военных хунт в Латинской Америке до посттоталитарных режимов в Восточной Европе;

3) наиболее благоприятная международная ситуация.

Среди исследователей нет единого подхода к определяемой терминологии. В большинстве случаев «демократизацию» определяют как переход от недемократических форм правления к демократическим. От-

метим, что достаточно широкое использование этого понятия для рассмотрения разных видов общественных трансформаций, связанных с демократическими волнами, не может быть оправдано в полной мере: демократизация не всегда ведет к утверждению современных форм демократии. Некоторые ученые используют понятие «демократического транзита», которое не предполагает обязательного перехода к демократии, но указывает на то, что демократизация — это процесс с заданным вектором, но непредсказуемым итогом. По этой причине они выделили демократизацию как предпосылку и причину появления демократических институтов, практик, объединительный потенциал демократии как один из возможных итогов демократизации, которые предполагает установлению современной демократии путем закрепления основ институтов демократии, ценностей и практик.

В современной политической науке есть множество подходов к определению и изучению факторов демократизации. А.Ю. Мельвиль предложил рассмотреть теорию демократизации в границах двух подходов: во-первых — структурного, который опирается на анализ структурных факторов, во-вторых — процедурного, который ориентирован на процедурные факторы (таких как выбор, последовательность решений и действий политических акторов, от которых напрямую зависит данный процесс)².

Представители структурного подхода (С. Липсет, Г. Алмонд и С. Верба, Р. Инглхарт, Л. Пай и др.) пытались проследить зависимость между определенными культурными и социально-экономическими факторами и вероятностью утверждения демократических режимов в разных странах. Такая зависимость понималась именно как структурная предпосылка демократизации, т.е. обусловленная воздействием на нее объективных общественных элементов и структур, а не субъективными предположениями и действиями участников политического процесса.

Можно выделить несколько главных типов структурных предпосылок демократии:

- 1) становление национального единства и национальной идентичности;
- 2) достижение определенно значимого уровня экономического развития;
- 3) массовое распространение ценностей, культурных норм, которые напрямую предполагают принятие демократических принципов, доверительное отношение к основным политическим институтам, чувство гражданской ответственности и т.д.

Однако, отметим, что в перечне условий демократии в современном научном сообществе не вызывает вопросов только один пункт — национальное единство и идентичность, которые ей предшествуют. По поводу других положений есть веские аргументы «против». Недоумение критиков вызывает тезис о строгой зависимости демократии и уровня социально-экономического развития, который не выдерживает критической доказательной базы и обширного фактического материала. В современном мире есть государства с высоким уровнем экономического развития, но относящиеся к недемократическим режимам (Сингапур). Также можно выделить страны с вполне устоявшимся демократическим типом отношений между политическими институтами и иными акторами, где, тем не менее, заметен колоссальный уровень бедности и наличествует традиционная система социальных структур (Индия).

Подчеркнем, что давая характеристику культурным ценностям, как условию возникновения демократии, они, тем не менее, создают комфортные условия формирования устойчивой и стабильной демократии. Однако, как в свое время отметил А.Ю.Мельвил, такие предварительные условия и наличие корреляций — не одно и то же³. Структурные условия, которые предвосхищают появление демократии — те, без наличия которых демократический переход не может быть осуществлен. Корреляция представляет собой необязательную предпосылку, а лишь фактор, ускоряющий или замедляющий процесс демократизации.

Подобное несоответствие по отношению к универсальному и обоснованному пониманию модели с конкретными социокультурными предпосылками демократии, привело к возникновению процедурного подхода (Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер, Дж. ДиПалма, Х.Линц, Т. Карл). Его представители опирались на изучении эндогенных факторов демократии. По их мнению, действия акторов, инициирующих демократию и выбор определенной стратегии, необходимы для исхода данного процесса. Тем самым нивелируется значение существующих к моменту его начала предпосылки демократии. Процедурный подход объяснил демократизацию путем взаимодействия конкурирующих элитарных групп, которые делают выбор организационных форм и институтов нового политического устройств, в процессе «политического торга».

Рассмотрим видение ситуации на Ближнем Востоке Россией. Сразу отметим, что какой-либо четко выработанной единой концепции, по которой Россия предполагает выстраивание внешнеполитической стратегии

на ближневосточном направлении, наподобие американской, к сожалению, нет. Есть представление о том, какие были бы желательны выстраивать отношения со странами региона, есть прогнозы относительно возможных ситуаций в этих странах и представления о перспективах развития отношений с ними в случае, если эти прогнозы сбудутся. Хотя, как показывают события «Арабской весны», прогнозы все же дело очень сложное, в случае, если дело касается Востока. Так, например, министр иностранных дел России С.В. Лавров заявлял в одном из интервью, что хоть проблемы и копились в течение очень долгого времени, хоть всем, в первую очередь, лидерам самих арабских стран было о них известно; что проблемы касались не только экономики, а затрагивали и многие другие сферы жизни, — даже они не подозревали, что это может взорваться, как мина замедленного действия. Также, по его мнению, правящие режимы этих стран в результате двадцати- тридцатилетнего пребывания у власти настолько утратили чувство реальности, что даже накопленный десятилетиями опыт не помог в решении проблем. Он охарактеризовал произошедшее как «ожидаемая неожиданность»⁴. И, стоит заметить, что он подчеркнул позитивную направленность политики США, которую те демонстрировали еще до указанных событий — они неоднократно указывали ближневосточным лидерам на накаливавшуюся обстановку в их странах и предлагали свою помощь в решении этих проблем. Также в этом участвовали и другие страны «Большой восьмерки».

Также предсказуемость данного явления предсказывали и другие российские исследователи. Так, Директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин отметил, что новым явлением здесь можно назвать только то, что двигателем здесь «стало неинспирированное внешним воздействием спонтанное светское массовое движение молодежи, преимущественно образованной и либерально настроенной, что особенно ярко проявилось в Египте и Тунисе»⁵.

Кроме того, существуют исследования реакции России на конфликт правительства и оппозиции в зависимости от того, в какой стране эти события происходят. Так, Маргарете Кляйн, сотрудник Германского института международной политики и безопасности, выделила 3 типа реакции российских властей на события в разных государствах ближневосточного региона⁶. 1-й тип: невмешательство и наблюдение, как это было с Египтом, Тунисом, а также Бахрейном и Йеменом. 2-й тип: относительно нейтральная позиция без активной поддержки какой-либо

из сторон, но с выражением позиции по рассматриваемому вопросу на уровне представителей органов исполнительной власти, как это было в Ливии. Отказ от позиции стороннего наблюдателя был связан с тем, что конфликт перешел в боевые столкновения и вовлек в себя иностранных участников. 3-й тип: Россия занимает конкретную сторону в этом конфликте и идет на конфликт с другой. Пример — Сирия и режим Б. Асада. Конфликт же здесь не только с Западом, но и с Лигой арабских государств, которая также выступает на стороне оппозиции. Здесь необходимо заметить, что в ряде конфликтов, например, в сирийском, Рос-

Какой-либо одной базовой стратегии внешней политики по отношению к региону у России нет

сия предлагает свое участие в качестве посредника при урегулировании отношений. Но не всегда инициатива получает ответ. В случае с Сирией мы наблюдаем абсолютное нежелание самих сторон вести переговоры, направленные на конструктивное взаимодействие.

В целом, какой-либо одной базовой стратегии внешней политики по отношению к региону у России нет. Но отсутствие универсальности не означает отсутствие конструктивности в подходах, реализуемых по каждой стране в отдельности. Что касается непосредственно вопроса о демократизации, то здесь также нельзя сказать, что отсутствие единой концепции по развитию демократии в странах Ближнего Востока отрицает желание России способствовать преобразованиям, которые явно требует общество в этих странах. Россия во всех ситуациях проявляет понимание протестующих, признает обоснованность и справедливость провозглашаемых ими требований, старается выстраивать отношения с новыми правительствами этих государств и заявляет о давно назревшей необходимости реформ, направленных на либерализацию всех сфер жизни. Также, как и Соединенные Штаты, Россия неоднократно выражала озабоченность перспективой прихода к власти исламских радикалов. Как выяснилось, небезосновательно (в случае, например, с Египтом).

Рассмотрим отношения Российской Федерации с каждой из стран региона, выстраиваемые после смены там политического режима. Пожалуй, наиболее спокойную реакцию вызвала смена власти в Тунисе. Отставка правительства, последующие выступления, парламентские выборы, на которых победу одержали умеренные исламисты и президентские выборы, увенчавшиеся победой правозащитника Монсефа-

Марзуки, были откомментированы представителями российских властей в сдержанно-позитивном ключе. Также в заявлениях демократические тенденции увенчаются успехом.

В общем, схожим образом развивались отношения и с Египтом в период смены власти. Россия последовательно выстраивала отношения и с переходным правительством, и с избранным парламентом и президентом Мухаммадом Мурси. Во время кризиса и после него российское руководство выражало надежду на скорейшую стабилизацию обстановки, и потому даже осудило возможность казни предыдущего президента Х. Мубарака, т.к. он своей отставкой предотвратил возможное кровопролитие. Пожелания России также всегда были направлены на демократический выбор Египта.

В случаях Бахрейна и Йемена Россия поддержала ввод войск ЛАГ, но это также нельзя назвать противоречащим демократической парадигме внешней политики РФ в регионе, т.к. и в том, и в другом случае ввод силовых подразделений оговаривался с действующими правительствами, а в случае с Йеменом — и с оппозицией. Также Россия выступила за уход йеменского президента со своего поста, но связано это было с тем, что страна находится в сложной ситуации: она входит в число самых бедных стран мира, к тому же там имеют свой лагери террористические организации, такие, как «Аль-Каида», и затяжной кризис власти мог бы вызвать негативные последствия для региона. Здесь еще нужно помнить о роли России как посредника при выстраивании диалога между представителями различных сторон конфликта, от политических сил до племен.

В случае с Ливией все складывалось гораздо сложнее. Если мы вспомним начало противостояния властей и оппозиции, то выяснится, что вначале Россия не только выступала с осуждением действий лидера Ливийской Джамахирии за применение военной силы и нежелание идти на переговоры, но и выступила с поддержкой резолюции Совета Безопасности ООН №1970, вводившую эмбарго на поставки оружия и другие санкции против режима М. Каддафи. Более того, источники в Администрации Президента Д.А. Медведева сообщали, что был момент, когда тот склонялся к подписанию антиливийской резолюции⁷. В итоге, в результате достигнутого компромисса, Россия воздержалась при голосовании по Ливии. Причин того, что Россия не воспользовалась своим правом вето, было много: от той, что Ливия никогда не являлась для России ключевым партнером в регионе, до нежелания портить отношения с США. Кроме того, спасти режим М. Каддафи смысла уже, очевидно, не имело — поддержки он не имел ни

внутри страны, ни за ее пределами. Россия критиковала также и действия союзников оппозиции, т.к. быстро сместить непопулярного лидера не удалось и конфликт повлек за собой жертвы и разрушения. Но позже Россия смогла достичь договоренностей и с новым руководством.

Пожалуй, только в случае с Сирией, позиция России определенно направлена на поддержку правящего режима. Причин у этого также много: от крупных экономических интересов, гуманитарных контактов и наличия единственного в Средиземном море пункта материально-технического обеспечения ВМФ России, находящегося в г. Тартус до нежелания межэтнической напряженности в регионе, которая может повлечь за собой миграцию населения и соседних государствах, что может повлечь гуманитарную катастрофу. Россия в целом пока придерживается проасадовской позиции и пытается играть роль посредника при переговорах сирийских властей и оппозиции. Пока это ни к чему существенному не привело. В Совете Безопасности ООН Россия блокирует резолюции, осуждающие действия сирийских властей.

Итак, на сегодняшний момент Россия стремится проводить политику, направленную на урегулирование текущих конфликтов и закрепление отношений с политическими силами, играющими сейчас основную роль в регионе. Относительно взглядов России на демократизацию данного региона, можно сделать вывод, что точка зрения официальных властей такова: демократические процессы в политической, экономической и социальной жизни необходимы, но желание этих перемен должно исходить изнутри, а попытки внешнего воздействия, даже с позитивными целями, могут внести дисбаланс в обстановку в стране и в регионе. **МП**

Примечания

- 1 Харитоновна О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. 1995. № 5. С. 70–79.
- 2 Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.
- 3 Там же.
- 4 Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова руководителю авторской программы «Актуальный разговор» телекомпании «3 канал» В. Соловьеву // Сайт МИД РФ, 13.03.2011. Режим доступа: [http://www.mid.ru/bdomp/Brp_4.nsf/arh/E35AC8110082ABCBC3257852004AF20E?](http://www.mid.ru/bdomp/Brp_4.nsf/arh/E35AC8110082ABCBC3257852004AF20E?OpenDocument)
- 5 Наумкин Виталий. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике, 02.08.2011. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>
- 6 КляйнМаргарете. Россия и «арабская весна»: внешне- и внутриполитические задачи // SWP-Aktuell, 04.01.2012. P.5. Режим доступа: http://www.germania-online.ru/uploads/media/swp_arabischer.ru.pdf
- 7 Габуев Александр, Соловьев Владимир. Россия гнет свою Ливию // Коммерсантъ, 21.03.2011.